

Необузданная и холодная натура Синьюэ Ху не знала пощады. Он ни за что не позволил бы Чжоу-вану выскользнуть из-под его власти. Это было просто невыносимо!

Сердце Вана должно принадлежать только Дацзи. Он должен смотреть лишь на неё, а каждое решение — приниматься только после совета с Дацзи! Чжоу-ван — всего лишь марионетка, а у марионеток не бывает собственных мыслей. У них даже пристрастий быть не должно. Единственным его увлечением, его страстью и смыслом жизни могла быть только она!

Сегодня какие-то щенки потеснили Дацзи в его сердце, а что завтра? Любая кошка или собака решит, что может взобраться ему на голову?

Дацзи опасно прищурилась. Её захлестнуло острое чувство угрозы: она кожей ощущала, что теряет позиции. В один ужасный день Чжоу-ван просто перестанет ей подчиняться. Дацзи долго стояла, кипит от ярости, затем взглянула на свои руки. Пальцы сжались в кулаки, она резко развернулась, пряча их за спину. Широкие рукава взметнулись, точно крылья ночной птицы, и вокруг неё разлилась аура такого ледяного гнева, что, казалось, сам воздух в комнате застыл.

Инь Шоу, получивший щенков, был по-детски счастлив. Вернувшись в свои покои, он первым же делом велел слугам вскипятить немного козьего молока.

Малыши, поначалу оживившиеся от любопытства к миру за пределами их ящика, быстро поникли. Они выглядели вялыми и какими-то печальными. Инь Шоу подумал, что они тоскуют по матери. «Интересно, понимают ли они в таком возрасте, что такое горе? Наверное, да... Голос крови не обманешь».

Он присел на корточки у ящика, наблюдая за ними, и принялся по очереди поглаживать их мягкие, пушистые головы. Глядя на этих крох, Инь Шоу впервые почувствовал, что в его нынешнем существовании появился хоть какой-то смысл. Он представил, как изо дня в день будет заботиться о них, и невольно улыбнулся. Растить собак в древности... Что ж, в этом есть своё очарование.

Когда принесли молоко, Инь Шоу дождался, пока оно остынет, перелил его в плоскую миску и поставил на пол. Вынимая щенков по одному, он ласково приговаривал:

— Ну же, молоко из миски приехало. Идите пить, маленькие. Будьте умницами.

Поймав себя на том, что использует методы ухода за пандами для обычных собак, он снова усмехнулся. Щенки выглядели совершенно растерянными. Он подталкивал их к миске, но двое, едва понюхав, тут же отвернулись. Один лизнул молоко, но вкус ему явно не понравился — он поднял голову и замер с озадаченным видом. Только двое последних, видимо, проголодавшись не на шутку, не стали привередничать и принялись лакать.

Глядя на троих упрямцев, Инь Шоу попытался подтолкнуть их обратно, но те лишь снова обнюхали подношение и наотрез отказались есть. Козье молоко — не материнское, их капризы были понятны. Но Инь Шоу испугался, что такие крохи просто не дотянут до утра, если лягут спать голодными.

— Вкуснятина же, ну чего вы, — ворчал он, потирая их макушки.

В этом времени не было ни шприцев, ни сосок... Оставался только один путь — кормить насильно.

Когда первые двое насытились и отправились обратно в ящик, Инь Шоу велел слугам принести воронку. Началась долгая возня. Троица сопротивлялась отчаянно, но силы были не равны: в конце концов, животы у всех были полны. Однако стоило опустить их на пол, как у одного щенка началось расстройство желудка, и он срыгнул молоко... Глядя на это, Инь Шоу чувствовал, как у него самого сердце разрывается от беспокойства.

Когда с кормлением было покончено, отношение щенков к нему явно изменилось. По их виду было понятно: «Мы маленькие, беззащитные и очень, очень напуганные».

Инь Шоу же не мог на них налюбоваться. Он даже дал каждому имя. Снежно-белого назвал Тайбаем, серого — Хуэйхуэем, рыжего — Хуанхуаном. Пятнистых окрестил Дяньбаем и Дяньхуаном. Просто и понятно, по цвету шерсти — чтобы не ломать голову.

Хуже всех молоко пили Тайбай, Хуэйхуэй и Хуанхуан, а Дяньбай с Дяньхуаном оказались помирнее. Больше всего Инь Шоу привязался к Тайбаю — этот белёсый комок шерсти был самым ярким среди пятерых, и его просто не хотелось выпускать из рук. После экзекуции с воронкой Тайбай совсем сник и выглядел глубоко оскорблённым.

Инь Шоу гладил его по голове, сюсюкая:

— Ну что такое? Обиделся? Если не будешь пить молочко, не вырастешь. Надо хорошо кушать, чтобы стать большим-пребольшим!

Он ворковал так самозабвенно, что для слуг это звучало как гром среди ясного неба. Они украдкой переглядывались, не смея проронить ни звука. «Это точно наш жестокий правитель? Уж не вселился ли в него злой дух?» То, что их Ван может быть «нежным», пугало их до икоты.

Инь Шоу, разумеется, было плевать на их мысли. Он был полностью поглощён игрой. Когда щенки наконец устали и уснули, он продолжал сидеть рядом, глядя на них так, словно впал в транс.

В тот день Дацзи не пришла, и Инь Шоу в предвкушении новой жизни чувствовал небывалый подъем. Впервые с тех пор, как он оказался здесь, будущее казалось ему светлым.

Но надеждам его суждено было рухнуть в ту же ночь.

Тишина окутала дворец.

Инь Шоу мирно спал в своей постели. Щенки, прижавшись друг к другу, сопели в ящике. Вдруг из щели под дверью потянулась струйка сизого дыма. Коснувшись пола, она обратилась в девятихвостого белого лиса. Зверь недовольно сморщил нос, почуяв собачий запах. Грациозно, шаг за шагом, он приблизился к ящику и на мгновение замер.

Там, где только что стоял лис, возник прекрасный мужчина. Всё его тело излучало мягкое сияние, словно в комнату спустился небожитель. Окинув холодным взглядом спящих щенков, он презрительно хмыкнул и протянул руку.

В тот же миг он выпил их эссенцию духа до последней капли. Пять маленьких жизней оборвались, так и не успев проснуться.

Закончив с собаками, Синьюэ Ху повернулся к кровати Чжоу-вана. Он откинул полог. Ван спал крепко, ничего не подозревая. Вспомнив его недавнюю холодность, лис ощутил укол досады. Он наклонился к самому лицу спящего, всматриваясь, словно пытаясь разглядеть его мысли. «Неужели и впрямь разлюбил?»

Инь Шоу во сне почувствовал внезапный холод. Он вздрогнул, но глаз не открыл — лишь инстинктивно натянул одеяло повыше, защищаясь от ледяного сквозняка.

Синьюэ Ху разочарованно фыркнул и, снова обратившись в дым, исчез.

На следующее утро Инь Шоу проснулся и по привычке некоторое время просто лежал, глядя в потолок. Каждое пробуждение требовало от него усилий: нужно было напомнить себе, кто он и где находится. То, что с ним произошло, не поддавалось логике; на словах он это принял, но подсознание всё ещё бунтовало.

Вздохнув, он позвал слуг, чтобы умыться и одеться. Лишь когда с туалетом было покончено, он вспомнил о своих питомцах. С сияющей улыбкой он подошёл к ящику, велел заранее приготовить молоко. Инь Шоу присел на корточки, собираясь погладить сонных малышей по их милым головам. Но стоило его пальцам коснуться шерсти, как он замер.

Холод.

Сердце пропустило удар. Он схватил одного щенка — тельце было ледяным и застыло в посмертном оцепенении.

— А! — вырвался у него крик.

Он отпрянул, едва не отбросив щенка, и рухнул на пол. В голове зашумело, ощущение мертвенной твердости под пальцами всё ещё преследовало его. Сердце колотилось о рёбра, по спине градом покатился холодный пот. Он не понимал, что происходит.

— Эй! Сюда! Живо! — Инь Шоу, стиснув зубы, закричал на слуг, указывая на ящик. — Смотрите! Они что... умерли?!

Слуга бросился к ящику. Пятеро щенков были мертвы. Трупы уже заоченели.

— Ве-Великий Ван... — пролепетал слуга, дрожа от ужаса. — Все... все мертвы...

Слуги замерли в смертельном испуге, боясь, что разгневанный Ван велит казнить их всех, чтобы отправить вслед за собаками. Каждому было ясно, как сильно господин дорожил этими крохами.

—!.. — Инь Шоу неверующе смотрел то на слугу, то на ящик.

Разум уже подсказал ему, что раз тела застыли, значит, шансов нет, но сердце отказывалось верить. Вчера они прыгали и ластились, а сегодня... Как? Почему?

— Да как же так! — Вспышка гнева и отчаяния подняла его на ноги. — Вчера же всё было хорошо!

Слуги, услышав это, разом рухнули на колени, оглашая покои криками:

— Пощадите, Великий Ван! Помилуйте! Пощадите!

Инь Шоу просто хотел разобраться в случившемся, у него и в мыслях не было кого-то казнить. Но, глядя на их трясущиеся фигуры, он вспомнил о своей роли и заставил себя успокоиться.

— Встаньте. Быстро позовите придворного лекаря. Пусть выяснит, отчего они сдохли.

Один слуга сорвался с места, остальные остались стоять в стороне, не смея поднять глаз. Инь Шоу, преодолев брезгливость и боль, подошёл ближе. Щенки выглядели так, будто всё ещё спят. Если бы не холод, можно было бы подумать, что они просто не хотят просыпаться.

«Странно всё это. Неужели молоко было отравлено? Но чтобы все разом, за одну ночь... Слишком подозрительно». Чем больше он думал, тем больше склонялся к версии с ядом.

Вскоре прибыл лекарь, а следом за ним — Дацзи.

Она переступила порог и запела своим ележным голосом:

— Великий Ван...

Инь Шоу даже не взглянул на неё. Он лишь коротко бросил «угу» и обратился к лекарю:

— Посмотри скорее. Отчего они умерли? Отравились?

Дацзи глянула на ящик и едва заметно усмехнулась. «Попробуй, разгадай, если сможешь».

Пока лекарь осматривал трупы, Инь Шоу ждал, едва сдерживая нетерпение. Дацзи подошла ближе к ящику и картинно ахнула:

— Ой, да что же это такое? Неужели они... О, Великий Ван! — Она попыталась прильнуть к нему, ища защиты.

Инь Шоу скрипнул зубами. Ему стоило огромных усилий не велеть вышвырнуть её вон прямо сейчас. Он смерил её яростным взглядом. Дацзи, встретив этот взор, осеклась и предпочла замолчать.

В зале воцарилась гробовая тишина.

Лекарь, чувствуя на себе взгляды всех присутствующих, обливался холодным потом. Он осмотрел щенков один раз — ничего. Осмотрел второй. Если бы это не были совсем молодые животные, можно было бы подумать, что они умерли от старости. Ни единой раны, ни следов яда. Просто жизнь ушла.

— Ну? — не выдержал Инь Шоу.

Старик лекарь замялся, его голос дрожал. Он понимал: если он не даст ответ, его голова может стать следующей.

— Великий Ван... Простите моё бессилие... Но на телах нет ран, и это не яд. Смерть не от внешних причин... Это больше похоже... похоже на то...

— На что?! — Инь Шоу уже терял остатки терпения.

— Словно душу из них выпили... — выдохнул лекарь, всё-таки озвучив свою догадку.

Дацзи холодно посмотрела на старика, затем перевела взгляд на Инь Шоу. Тот замер, не зная, как реагировать. «Душу выпили?»

<http://bllate.org/book/17393/1654514>